

**НЕ СОЖАЛЕЯ О ПОТЕРЯННОМ РАЕ...
ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИФ ЖАНА БОДЕНА**

Аннотация: Миф о золотом веке присущ любому обществу, а воспоминании о молодости как золотом времени – любому человеку. В действительности миф о золотом веке – это своеобразная периодизация истории: от века золотого к веку железному. Здесь отражен и вектор исторического движения – от рая к разрушению и гибели. В политической теории этот миф смыкается с периодизацией истории по четырем монархиям, каждой из которых соответствует определенный век. Вавилонской монархии – золотой, Персидской – серебряный, Македонско-греческой – бронзовый, Римской – железный. Римская монархия и соответственно железный век – это последние вехи человеческой истории. Далее, должен был последовать Конец мира. Но он не наступил. Боден критикует эти теории и считает, что золотой век соответствует его времени. И его главный аргументы – развитие государственности.

Ключевые слова: золотой век, миф, теория трансляций империи, государство, историческое развитие.

Об авторе: Бобкова Марина Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. bobkova_marina@list.ru.

Мечта о жизни без болезней, старости, в абсолютной гармонии с собой, с природой и с миром, без войн и конфликтов, т.е. в состоянии постоянного блаженства и счастья. Мечта, реализованная в мифе о золотом веке, присуща любому обществу. Однако, миф о золотом веке может иметь различную конструкцию и смысловую наполненность в разных исторических и культурных пространствах, во многом определяя то, каким образом данное конкретное общество осознает себя во времени и в истории и то, каким образом это общество действует

во времени. Этот миф может иметь различные форматы – это может быть утопия или национальная идея...

В трактате Жана Бодена «Метод легкого познания истории» (1566 г., Париж) [1] одним из важнейших аспектов осмысления прошлого является хронологическая сетка событий и периодизация всемирной истории. Знания об особенностях тех или иных регионов он положил в основу своей теории миграционных процессов и освоения пространства различными народами. Но прежде чем выдвинуть собственные идеи исторического развития, анжерец критически анализирует миф о золотом веке и четырех монархиях, широко распространенный в Средние века, освященный авторитетом церкви и находивший обоснование в сочинениях многих современных Бодену мыслителей, например, в сочинении Иоханна Слейдана «О четырех верховных монархиях» (1556 г.) [8]. Смыкание этих двух мифологем очевидно – Вавилонская монархия – это золотой век в истории человечества, второй монархии соответствовал серебряный, третьей – бронзовый и, наконец, четвертой – железный век. За падением четвертого царства закончится железный век и наступит всеобщая гибель.

Средневековое историописание располагало, главным образом, двумя периодизациями всемирной истории: «по шести векам» земной истории – от Сотворения до Страшного суда и по четырем мировым монархиям. Общей чертой этих двух систем является то, что первая исключала наступление седьмого века, а вторая – появление пятой монархии. Обе наглядно демонстрировали апокалиптический характер средневекового историописания. В них отражались христианские представления о развитии, рассматриваемом в рамках осуществления божественного замысла.

Представления, составившие основу периодизации по четырем монархиям, появились в Персии в III – II вв. до

н.э. и были изложены в пророчествах Даниила. Их содержание сводилось к тому, что царю Навуходоносору приснился огромный истукан, голова которого была из золота, грудь и руки – из серебра, бедра – из меди, голени – из железа, ступни – частью железные, частью – глиняные. От горы оторвался камень и разбил истукана. Даниил толкует этот сюжет таким образом: «Тебе, царь царей, Бог даровал царства, власть, силу и славу. Ты – золотая голова. После тебя возникнет другое царство, ниже твоего, и еще – третье, медное, которое будет владычествовать над землей, а четвертое царство будет крепко, как железо. Но во дни тех царств Бог небесный воздвигнет иное царство, которое во веке не разрушится. Ты видел, камень был отторгнут от горы без помощи рук и раздробил железо, медь, серебро, золото. Этим Бог дал знать, что будет после всего» [Дан., 2:31-46]. Царства приходили на смену одно другому, и четвертое должно было быть последним. За ним земные царства прекратят свое существование. Даниил назвал только одну из четырех монархий – Вавилонскую, поэтому толкователи его пророчеств были свободны в выборе остальных трех. Традиционно это были Персидская, Греко-македонская, Римская. После падения Римской империи все должно было обратиться в прах, но этого не произошло. Следовательно, надо было либо признать, что Рим не был разрушен, тогда каждая новая последующая политическая гегемония должна признаваться новым Римом, либо какое-либо иное политическое образование должно отождествляться с последней, четвертой монархией. В комментариях святого Иеронима (IV в.) к пророчествам Даниила утверждается, что Римская империя, как четвертая и последняя, будет длиться до конца мира. Она была включена в божественный план и наделена священной, неземной трансцендентной сущностью [Дан., 7:2-27].

Периодизация по четырем мировым монархиям в отличие от схемы шести веков еще в позднеримскую эпоху получила не только религиозную, но и политическую окраску. Идея «вечного Рима» тем настойчивее повторялась, чем сильнее Империя клонилась к упадку. После формального исчезновения Империи на Западе она должна была быть перенесена на Восток. Оттон Фрайзенгенский считал, что Империя только по названию остается Римской. В действительности же произошло «перенесение» Империи сначала в Константинополь, затем второе «перенесение» из Константинополя к франкам. После этого следуют упадок и смута во Франкской империи. Империя возрождается в восточнофранкском королевстве и таким образом, титул римского императора передается через Константинополь и франков в Священную римскую империю. Таким образом, идея о непрерывности существования Римской империи поддерживалась идеей “translation imperii” – переноса императорской власти из Рима в Византию, затем снова на Запад, к Карлу Великому, преемником которого считали себя германские императоры.

Но уже в VIII в. Павел Диакон в «Истории лангобардов» заменяет традиционную хронологию «от основания города» (*ab urbi condita*) летосчислением от Воплощения Господа (*ab inscriptione*) [4]. Во «Всеобщей хронике» Эккерхарда из Ауры (конец XI – начало XII вв.) правление Карла Великого рассматривалось как начало нового периода – эпохи правления германских императоров [4]. Для Франчески Петрарки Римская империя не продолжалась, а прекратила свое существование с наступлением «темного века» [9]. Однако, следуя новозаветной традиции, он видел в возвышении Рима божественный промысел. Многие мыслители этого периода, например, Флавио Бьондо, понятие “translation imperii” заменяют понятием “declination imperii”. Таким образом, крушение Римской

империи стало для гуманистов гранью между двумя всемирно-историческими эпохами – золотым веком классической древности и готической (варварской) эпохой [7].

Но несмотря на появление новых идей в осмыслении истории, теория четырех монархий и в XVI в. продолжала занимать важное место. «Долгое время господствовала ошибочная идея о четырех монархиях, получившая известность через авторитеты великих людей, которые так далеко заходят в обосновании причин ее появления, что развенчание этого мифа представляет трудности. Она одержала верх над многочисленными толкованиями Библии и распространена среди моих современников (у Лютера, Меланхтона, Слейдана) – людей, хорошо знающих и понимающих древнюю историю и Святое писание. Я осуждаю этот миф. Разоблачая его, я забочусь о славе своего имени, своей истории, о полном отрицании толкований Даниила» [2:286]. Боденовская критика периодизации истории по четырем монархиям является ничем иным, как отказом от пророческого характера средневековой истории. И в этом Боден совершенно последователен, поскольку почва для подобного шага уже была подготовлена разделением всей истории на человеческую, натурасторию и священную. События последней изложены в Священном писании. Они не подвластны разуму, их нельзя постичь рационально, потому что это сфера веры. Человеческая и натурастория развиваются на основе закономерностей, которые Боден пытается понять и объяснить. Его сочинения, безусловно, направлены в будущее, это реальная попытка его прогнозирования. И здесь нет места мифу. Кроме того, думается, что анжерец обратился к критике этих мифических периодизаций еще и потому, что хотел разрушить претензии германцев на превосходство над другими народами и, прежде всего, над французами.

В критике Бодена очевидны черты нового, совершенно не средневекового стиля мышления, характеризующегося отказом от символизма и мифологизма. С точки зрения здравого смысла анжерец не находит никакой связи между образом истукана и историей развития человеческого общества. «...похоже я не вижу каким образом жизнь нашего общества можно сравнивать с образом истукана и как это связать с мыслью, высказанной Даниилом о происхождении и развитии монархий» [2:195]. К делению всемирной истории по монархиям Боден подходит исторически. Он предполагает, что определенные монархии могут выступать маркерами четырех этапов истории. На, как политик, он тут же подвергает эту мысль проверке: «Что подразумевает Даниил под словом «монархия»? ...Даже, если бы наш спор завязался вокруг этого слова, то пророчества ясного толкования не дают» [2:286]. Если отождествлять монархию с вооруженной силой или с отечеством Даниила, или с месторасположением Вавилона, или с единоличной властью, тогда эти пророчества можно отнести даже к Турецкому султанату, и тогда будет не четыре, а бесчисленное множество монархий. Любитель строгих дефиниций так определяет монархию – «это некоторая территория, населенная народом преимущественно одного происхождения... Это единоличное управление государством, определяющее права и обязанности подданных» [2:286]. Анализируя историю римской государственности анжерец приходит к выводу, что она прошла в своем развитии несколько этапов и термин «монархия» никак не может быть применен по отношению к народным формам правления римлян и поэтому Германская империя никак не может претендовать на роль наследницы [2:287]. Не может Германская империя наследовать Риму и с точки зрения территориальной преемственности. «Германия не включает в себя территории Римской империи, кроме

двух провинций и любому, кто помнит карту мира, мысль о том, что Германия владеет Империей римлян, покажется абсурдной» [2:287]. Почему бы тогда в список монахий не включить Парфянское царство, территорию халдеев, Британию и многие другие государства, образовавшиеся на обломках Империи? По мнению Бодена, первым монархом был Карл Великий, «по рождению – француз, сформировавший систему государственного управления, отлично знающий язык и народные традиции» [2:288]. Анжерец подкрепляет свои выводы авторитетом Иосифа Флавия [2:294] и приходит к выводу, что Римская империя была выбрана средневековыми хронистами для интерпретации образа истукана произвольно, без всяких исторических оснований.

Боден рассматривает пророчества Даниила и с точки зрения соотношения образа истукана с мировыми эрами (веками) – золотой (голова), серебряный (грудь), бронзовый (ноги), железный (голена, ступни – глиняные). Миф о золотом веке, распространенный в древности, был записан Гесиодом в поэме «Труды и дни» [3], дополнен Овидием и Лукрецием. Вергилий в «Энеиде» актуализирует миф о «Сатурнове царстве» и дает ему «новую, «прогрессистскую» интерпретацию, позволяющую прямо сопоставить двух правителей-цивилизаторов — Сатурна и Августа, каждому из которых предназначено принести с собой блага «золотого века» в Италию» [5].

Примечательно, что миф о золотом веке, родившийся и обоснованный в древности, оказался вполне подходящим и для христианского постулата «старения», «одряхления», греховности мира и грядущего Страшного суда. Поэма Гесиода содержит жалобу на неотвратимую деградацию человечества, совершающуюся по воле рока и охватывающую все стороны жизни, включая физическую конституцию человека и мораль. По мнению и средневековых авторов

отношения между людьми становятся все более несправедливыми по мере продвижения от Сотворения к Апокалипсису. И Бог накажет людей за их грехи, которые станут столь многочисленными и великими, что Создатель пожалеет о сотворении человека.

Миф о золотом веке был распространен и в гуманистической среде, но он был наполнен уже новым смыслом. Гуманисты высоко оценивали творческую духовную активность древнего «золотого» века, зримым плодом которой был расцвет ренессансной культуры. Чего стоит один только заголовок письма Марсилио Фичино Павлу Миддельбургскому «Похвалы нашему веку как золотому веку, потому что он порождает золотые дарования» (1492 г.) [10]. Анжерец, в отличие от гуманистов, не восторгается Античностью, не преклоняется перед ней и не стремится к ее возрождению. Он трезво и прагматично оценивает развитие древних обществ, не стремится уподобить им свое время, но делает очевидными его преимущества. Источник развития общества надо искать не в античном наследии, а в использовании возможностей и преимуществ своего времени.

Боден негативно оценивает миф о золотом веке, отрицая превосходство прошлого над настоящим. «Золотым и серебряным веками называют время, когда люди сидели без дела, бродили по лесам и лугам и имели столько, сколько могли удержать силой и преступлениями... Но люди постепенно изменялись – от жестокости и варварства к утонченности нравов и следованию законам, установленных обществом... Если сравнивать век, который называют «золотым» с нашим, то правильнее тот век назвать “железным”» [2:290]. Ссылаясь на Катона, Боден ограничивает продолжительность золотого века 250 годами. Столь небольшой период, по мнению Бодена, едва ли мог оставить в истории значительный след. Понятие «золотой век» он соотносит либо с мифологическим

временем «Сатурнова царства», либо с исторически определенным периодом античности. Мифы древних оцениваются как преломленное в сознании людей отражение реально происходивших событий. Разбирая их, Боден приходит к выводу, что моральные и нравственные нормы жизни его времени выше, чем у древних: «Юпитер убил своего отца ради того, чтобы занять его трон. Он прославился не только отцеубийством, но и крайне развращенным образом жизни – кровосмешением с сестрами. Разве может быть золотым век, породивший таких чудовищ?» [2:291]. А чего стоит война титанов и богов? Кроме того, в золотом веке разбой и грабеж вполне признавались обществом, как нормальный способ получения средств к существованию. «Не было времени более жестокого и сурового чем то, когда разбой и пиратство признавались откровенно образом жизни» [2:293]. Профессиональное воровство «...осуждалось лишь гражданскими судьями, а сейчас во всем мире наказывается самым суровым образом» [2:295]. Боден заявляет, что в его время воровство не только каралось органами правосудия, но и решительно осуждалось общественным мнением. А деятельность органов правосудия это один из важнейших признаков государственности, которое устанавливает правила поведения, нормы и законы общества.

С точки зрения нравственности анжерец критикует и рабство: «Нет ничего более жестокого и несправедливого чем то, что только из-за рабского клейма, лежащего на человеке, ради восторга толпы он может быть ранен, разорван на куски, убит. Нет ничего более преступного чем то, что добродетельное отношение к рабу считалось ужасным злом» [2:190-191]. Кстати, Августин Блаженный морально оправдывает рабство, считая его уделом грешников [2:195]. Боден же, словно забывая о массовых политических убийствах, бессмысленных смертях религиозных войн, о сотнях,

заживо сожженных инквизицией, пишет, что его современники намного мудрее римлян. Они считают непристойным для христианина наблюдать за кровавыми зрелищами, которые достойны диких животных, и решать силой спорные вопросы вместо позитивного обсуждения, являющегося лучшим упражнением для развития ума.

Если золотой век не соотноситься с древними формами общественного управления, так можно ли его соотнести с правителями? Боден сравнивает правителей древних государств со своими современниками и заключает, что, например, Карл Великий в добродетели, славе, ответственности за страну, в любви к подданным и в справедливости превосходил Александра Македонского, Людовик Благочестивый вообще всех правителей древности [2:293]. Таким образом, на мой взгляд, Боден критикует миф о золотом веке в его традиционной «примитивистской» форме, в которой содержится описание родового до государственного общества.

В области естественнонаучного знания практика и труд талантливых людей древности должны быть высоко оценены. «Мне могут заметить, что они были основателями всех дисциплин и искусств, поэтому им должна принадлежать слава. Древние, конечно, обнаружили суть многих вещей, в особенности власть небесных тел и рассмотрели, хотя очень неполно, движение звезд. Они определили планеты и их орбиты. Они изучили загадки природы и верно объяснили ее явления. Но древние так до конца и не поняли важнейшие вещи, [знания] о которых передавались от поколения к поколению и в таком виде дошли до нашего века» [2:294]. Греция предстала перед судом раннего Нового времени потому что сами греки не смогли по достоинству оценить некогда существовавшее и сохранить это в памяти.

Анжерец уверен, что его современники могут сравниться с древними, быть достойными и даже превзойти их. «Ни у кого не должно вызывать сомнений, что открытия наших современников сравнимы с достижениями наших предков. Но мы и превосходим их. Ничто не может быть более замечательным во всей природе вещей, чем магнит, о пользе которого древние ничего не знали» [2:294]. Благодаря компасу стали возможны дальние морские путешествия. Древние жили на своих землях, путешествуя только в пределах Средиземноморья. Современники анжерца практически на глазах одного поколения пересекли весь Земной шар, свершили многочисленные путешествия и открыли путь колонистам в «иные миры» Нового Света. Боден осведомлен о современных достижениях медицины, астрономии, металлургии. «...одно только книгопечатание может легко соперничать со всеми достижениями древних» [2:294]. Катапульты и метательные орудия древних Боден представляет как мальчишескую забаву в сравнении с вооружением XVI в. Развитие ремесел, открытие новых морских и сухопутных путей привели к бурному развитию торговли, расцвет которой восхищает Бодена. Распространение торговых связей он считает одним из показателей общественного развития. Таким образом, если говорить об общественном развитии, то настоящее превосходит прошлое в этическом христианском идеале, в научных (компас, порох, книгопечатание) и географических открытиях своего времени; в развитии ремесел и торговли, в общем росте товарного производства.

Источник развития истории человечества сокрыт в природе, которая «...неисчерпаемая сокровищница, не иссякающая на протяжении многих веков. Поскольку многие вещи были поняты и открыты так же, как и некоторые вечные законы природы, постольку и в мировоззрении, во взглядах людей произошли

значительные изменения» [2:295]. Концепция научно-технического развития на философском уровне через несколько десятилетий будет разработана Фрэнсисом Бэконом. Его размышления о движении общества обуславливались разгоревшимся тогда спором о «древних» и «новых», предметом которого было не только будущее, но и прошлое – культурное наследие Античности и соотнесение его с культурой Нового времени.

Движение, динамика лежат в основе мироздания и это не обязательно постоянное поступательное развитие от низшего к высшему, от примитивного к совершенному. Движение, вероятно, это вид изменений, которым все вещи подвластны. Вот, Боден приводит нам такой пример – в Античности культура почти достигла своего наивысшего расцвета (развивались различные виды искусства, литературы, были реализованы несколько типов государственности...), но волна нашествий варваров разрушила многие памятники древности, погребла империй и под их обломками замечательные библиотеки, остановила развитие большинства научных дисциплин, которые потеряли свое значение для людей на многие сотни лет. Но после столь протяженного периода упадка «сейчас высветилось такое изобилие знаний, такое стремление к наукам, такое торжество талантов, каким ни одна предшествующая эпоха не отличалась» [2:294]. Мир изменился во всех отношениях, в нем надолго как бы «забыли» об античной культуре, но ее богатство не было утрачено. И современные науки Боден уподобляет «полям, на которых урожай с величайшим изобилием возмещает посеянные зерна» [2:294].

Боден не просто перевернул миф о золотом веке, изменив вектор его направленности, как это делали авторы ренессансных утопий, например, Томас Мор, из прошлого в будущее. Он привел ряд аргументов, которые подталкивают читателя именно время и

историческое пространство современников Бодена считать превосходящими золотой век. И, я думаю, что связано это с формированием французской национальной системы права и с новым осмыслением государственности, которое ярко продемонстрировано Боденом в «Шести книгах о государстве». По его мнению, государство (в этом Боден сходится с Макиавелли) являет собой вершину экономического, социального и культурного исторического развития человеческого общества.

Литература

1. Бобкова М.С. Жан Боден: История жизни в эпоху катастроф// История через личность. Новая историческая биография. М., 2005, с.265-307.
2. Боден Жан. Метод легкого познания истории. М., 2000.
3. Гесиод. Труды и дни. Перевод В.В. Вересаева. М., 2001.
4. Диакон Павел. История лангобардов. Книга II.7. М., 1970.
5. Чернышов Ю.Г. Древний Рим: мечта о золотом веке. М., 2013
6. Ekkehardi chronicon universale. MGH, SS. Bd. VI. Hannover. 1844.
7. Ferguson, Wallace Klippert. The Renaissance in historical thought. AMS Press, 1981.
8. Jo. Sleidani. De quatuor summis imperiis, babylonico, persico, graeco et romano Jo. Sleidani De quatuor summis imperiis, babylonico, persico, graeco et romano. Genève, 1556.
9. Swain A. The Theory of four monarchies // Classical Philosophy. 1940.Vol. 35; Trever J. The books of Daniel // Biblical archaeologist. Philadelphia. 1985. Vol.4. №2.
10. Электронный ресурс. Режим доступа: http://drevlit.ru/docs/italy/XV/1480-1500/Ficino_Marsilio/brief_13_09_14925cb6.php